

1000 не одна боль

Автор:

Ульяна Соболева

1000 не одна боль

Ульяна Павловна Соболева

Арабская страсть #2

Я – собственность бедуинского шейха. Нет, это не фантастика, это наше время и моя страшная реальность. Безмолвная невольница, у которой отобрали даже имя. Зверю все равно, что чувствует его вещь. Он не умеет любить, он умеет дарить только боль. (Современная версия Аш. Пепел ада)

Внимание! В книге все события, персонажи и обычаи выдуманы, утрированы и приукрашены автором.

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

– Аднан, я прошу тебя! Я не знаю его! Не знаюю! Зачем мне лгать? Зачем?

Он швырнул меня на пол с такой силой, что у меня потемнело перед глазами и заболела от удара спина. Жуткий, взбешенный. Я никогда его не видела таким, никогда не видела, чтоб люди теряли человеческий облик. Но сейчас мне казалось – передо мной разъяренный зверь с диким блеском похоти и ненависти в глазах. Я еще пыталась воззвать к нему, я надеялась, что все в этом мире можно решить словами, если правильно их подобрать. Но я, увы, никогда не имела дела со зверьми в человеческом облики. Я все еще забывала, что это не мой мир.

– Аднан, послушай меня, прошу тебя. Я не знаю зачем, но меня оболгали. Я не знаю Асада... никогда не знала.

Он молчал, а тонкие крылья носа трепетали от того, как шумно он втягивал воздух и выдыхал. И ни одного проблеска понимания в ярко-зеленых глазах, которые сейчас так сверкали, что, казалось, они фосфорятся в полумраке, как у хищника, готового к нападению. Стянул джалабею через голову и отшвырнул в сторону, а я с ужасом попятилась по полу назад, глядя, как хаотично вздымается его мощная темная грудь. Никогда он еще не казался мне настолько огромным.

– Нет... нет, пожалуйста!

Смотрит исподлобья и идет на меня. Шаг за шагом, не торопясь, и этим внушает еще больше страха, чем если бы набросился сразу. В горле невыносимо пересохло, и все мышцы свело, как льдом сковало. Не знаю почему, но я вдруг вскочила на ноги и бросилась к двери, но он схватил меня за шкурку и швырнул обратно на пол, как робот, словно я была невесомой или легче пушинки.

Цепenea от страха, я застыла и смотрела, как араб развязывает тесемки шаровар. Мои глаза расширились, и я невольно перевела их вниз, к его паху и чуть не закричала, увидев его член. Я этого не вынесу, я не смогу принять в себя вот это. Я умру от боли.

Паника нахлынула ледяной волной и затопила с головой. Он же разорвет меня, я истеку кровью. Снова поползла назад, но бедуин наклонился и схватил меня за лодыжки, потянул к себе рывком так, что я опрокинулась на спину, пытаюсь удержаться за ковры, стягивая их с пола, цепляясь больно ногтями за доски.

– Нет! Аднааан! Нет! Ты же не зверь! Неет!

Это даже не крик – это вопль ужаса, и меня колотит крупной дрожью при взгляде на лицо, искаженное похотью, и потемневшие глаза, обещающие мне все муки ада. И я вижу, что его только распаляет мое сопротивление, оно его подхлестывает, как животное, чья добыча сопротивляется перед тем, как быть съеденной, и заводит охотника еще сильнее.

– Кто сказал, что я не зверь?

Сгреб меня за волосы и приподнял, нависая сверху, наши взгляды скрестились, и я поняла, что никакой пощады не будет. Это конец. Он больше не сжалится. Пришел мой час. А я так надеялась, что это будет по-другому. С ним, но все же по-другому.

- Не зверь... ты можешь быть другим, я умоляю тебя. Не надо со мной так.

- С тобой надо хуже. С тобой надо на улице перед всеми, отдать на забаву, чтоб каждый трахал твои дырки и рвал тебя на части. Заткнись и не зли меня, иначе так и будет!

- Аднааан, - слезы застыли в моих глазах, но он больше в них не смотрел. Кричать и биться уже нет смысла. Он сильнее, он меня просто разломает на куски. Я должна молчать. Я должна... О господи, за что? Я не так мечтала... не так хотела. Любить его хотела, по-настоящему. Правда, хотела и смогла бы.

- Я на все соглашусь, Аднан. Я буду покорной, я буду такой, как ты захочешь, не надо так. Я стану на колени, я склоню голову... все, как ты захочешь.

Ничтожные попытки взывать к жалости, но у зверей жалости не бывает. Зря я забыла о том, кто он на самом деле. Он наклонился и схватил меня за щеки, сжимая их с такой силой, что у меня по ним слезы потекли.

- Молчи! Просить уже слишком поздно! Просить надо было Асада, чтоб не подкладывал тебя под ибн Кадира, просить надо было меня, рассказав всю правду с самого начала, а теперь заткнись и молись своему Богу, чтоб мне понравилась твоя дырка и я оставил тебя в живых, грязная шармута!

Разодрал на мне джалабею, швырнул в сторону, сдавил грудь ладонью, больно выкручивая сосок.

- Чувствуешь разницу? Когда ласкают и когда дерут шлюху?

Я попыталась сбросить его руку, но он зарычал и, схватив меня за запястья, завел их над моей головой, стискивая в кулак. Его глаза стали совершенно дикими, бешеными, казалось, он готов меня сожрать одним взглядом. Ничего человеческого, только сам облик, а там, под кожей прячется безжалостный

дьявол, осатаневший от похоти и близкого получения добычи. Потянул за веревку вверх, замотал мои руки так, что если я ими дергала, то душила себя, затягивая петлю сильнее.

– Могло быть по-другому, Настя, если бы ты была той, кого я хотел видеть, а ты оказалась ядовитой тварью! И я буду трахать тебя, как тварь, перед тем, как ты сдохнешь, тоже как последняя тварь. Теперь все по-настоящему. Теперь никто не притворяется. Заткнись и ни слова больше. Хотя нет, ты можешь орать. Мне понравится, я точно знаю.

Рывком раздвинул мне ноги в стороны, нависая сверху.

– Понять хочу, почему все с ума от тебя сходили, почему каждый на тебя так реагировал и сдохнуть за тебя хотел, почему Асад тебя так сильно себе вернуть хочет. Наверное, за твою узкую щель или за умелый рот? Опытная шлюха? Опытная, спрашиваю? Куда он тебя брал? Куда ЕМУ ты позволяла тебя брать? Теперь я попробую тебя всю. Как идиот хотел и не трогал, как... куссс омммак!

Казалось, он говорит сам с собой, казалось, он слышит только себя, а не меня.

– Не была ничьей... твоей быть захотела. Твоей, Аднан. Любить тебя. Ласк твоих хотела, нежности, рук, поцелуев. Разве ты не чувствовал? Разве не видел? Посмотри мне в глаза, разве есть там ложь? Ты ведь умный, ты ведь... ты ведь должен понять, когда лгут.

Стиснул мои волосы и дернул к себе с такой силой, что я всхлипнула.

– Заткниииись! Не смей лгать. Я же не пощажу, я голыми руками язык выдерну, как жало змеиное. С Асадом трахалась? Его девкой была? Если б сказала, может, и пощадил бы.

– Не была. Ни с кем не была!

– Лживая... дрянь!

Ударил по щеке и голову мою запрокинул, укусом к шее прижался, зубами кожу оттягивая, всасывая, оставляя следы. С утробным рычанием, снова лицом к лицу,

в глаза всматривается, и в его зрачках ад сверкает, жажда бешеная, неотвратимое желание обладать, сожрать, разорвать меня на куски.

Нет, не пощадит – раздавит, разорвет. Я не переживу этого, я боюсь боли, его до смерти боюсь.

– Только не причиняй боль... я ни с кем. Пожалуйста. Мне так страшно!

Замер, всматриваясь мне в зрачки, то в один, то в другой. На какие-то секунды даже блеск жуткий пропал, а потом снова глаза загорелись.

– Хорошая попытка... Опытная стерва! Кто только научил такому!

– Никто не учил. Ничему не учил, Аднан.

Шепотом, выгибаясь под ним, пытаюсь снова поймать жестокий взгляд.

– Только не ломай... мне страшно, так страшно.

– Раньше надо было бояться, когда согласилась. Что тебе пообещали? Деньги?

– Работу обещали... во Франции. Я рассказывала. Проверь... ты же опытный, проверь. Никого не было.

– Именно это я и собираюсь сделать прямо сейчас. Боли твоей хочу. Кричи для меня! Громче кричи и, может, жива останешься!

Я сильно сомкнула веки, когда его руки разодрали мои ноги в стороны, придавливая колени к полу. Дернулась, когда вошел пальцами, растягивая, причиняя боль, не лаская. Унижая и заставляя застыть от паники и ужаса.

– Узкая... поэтому решил, что первый. Ты узкая маленькая шлюшка, Настя.

Хрипло стонет мне в ухо, придавливая меня всем весом к полу. Я дернула руками, и веревка сильнее сдавила горло. Меня всю трясло, и я покрылась бусинками холодного пота.

– Очень узкая, очееень, – от боли я распахнула глаза и зашлась в немом крике. Его пальцы сменило нечто иное, оно растянуло меня с такой силой, что я даже не смогла закричать, только хватать воздух широко открытым ртом. Дернулся вперед, и мне показалось, что меня разорвало изнутри, и обжигающая боль сковала низ живота и ноги. Я прокусила губы до крови и впилась ногтями в доски, застыв от напряжения, а потом силой дернула руками, натягивая веревку. Сдохнуть. Я хочу сдохнуть прямо сейчас! Но он не дал, размотал веревку и освободил руки, и я тут же в рыдании впилась ногтями в его плечи, пытаюсь оттолкнуть.

Аднан сделал толчок и проник в меня намного глубже, приподняв ягодицы горячими пальцами, впиваясь в них, чтоб я не отстранилась.

Мне казалось, что, если он двинется еще раз, я умру от боли. Я не вынесу эту пытку. Я не могу. Это ужасно. Ничего прекрасного в этом нет. Я смотрела в потолок застывшим взглядом сквозь пелену слез, которые лились по щекам.

Пусть меня казнят теперь. Я не хочу домой и не хочу жить. Ничего не хочу.

Аднан вдруг ослабил хватку, взял меня за лицо, всматриваясь в мои глаза.

И толкнулся снова, набрасываясь на мои губы своими губами, проталкивая язык глубже мне в рот, а я не могу выносить его внутри, не могу выдержать этого адского жжения. Боль не стихает, она бесконечно невыносимая.

Внутри меня разрывало на части, я не могла пошевелиться, опасаясь, что будет еще больнее, если такое вообще возможно.

Почувствовала, как его губы скользнули по подбородку вниз, к шее, вызывая только омерзение и ужас, желание, чтоб все закончилось побыстрее.

– Альшитаааа, твое тело слаще, чем я мог подумать... твой запах сводит с ума. Что ты со мной делаешь? Ты мозги мне наизнанку вывернула... маленькая моя зима, мозги мне вывернула... хочу тебя, как безумец, как одержимый.

Его слова сквозь марево пытки, и лишь одна мечта – избавиться от его члена внутри, избавиться от него.

Хриплый, срывающийся голос доносится издалека, и я ненавижу каждую его вибрацию. А он целует мою шею, мою грудь, облизывает соски, не прекращая двигаться, и от каждого движения меня словно жжет раскаленным железом.

- Не могу остановиться, не могуууу...

Хрипло рычит мне в шею, кусая ее, осыпая дикими поцелуями мое лицо, боль затопила меня всю, кажется, я стала болью, сплошным синяком или ссадиной. Все тело свело от напряжения. Вздрагивая и всхлипывая, я смотрела в потолок, где-то там он двигался надо мной все быстрее и быстрее, пока не сдавил мое тело руками и не закричал, пронзив еще глубже так, что я заплакала еще сильнее, а внутри, где все ныло, как развороченная рана, разливалось что-то горячее и жгло еще больше.

- Альшитаааа, - целует мое лицо там, где слезы оставили следы на щеках, а я мечтаю о смерти. Мне уже хочется, чтоб меня казнили побыстрее. Нет, я не хочу жить, потому что он будет делать это со мной снова. А я больше не выдержу.

Слезы не текли и не высыхали. Я почувствовала, как он встал с меня, а ощущение его члена внутри все равно осталось. Мне казалось, что меня, и правда, разорвало на куски. Я почувствовала, что он лег рядом со мной. Какое-то время молчал. Потом повернулся ко мне, и, когда дотронулся, меня всю подкинуло от ужаса. Но он насильно привлек меня к себе.

- Не самый лучший первый раз, Альшита. Потом будет лучше.

От этих слов я снова застыла. Нет. О боже, нет! Я не хочу потом. Я ничего больше не хочу!

Я так и не смогла повернуться или разогнуться. У меня не двигались руки и ноги, и все еще дико болел низ живота. Бедуин встал с постели и вышел, вернулся через несколько минут, но я отвернула голову, чтоб не видеть его и не слышать.

- Я принес воду. Помойся. Ты в крови.

Мне было все равно. Я не хотела ни мыться, ни двигаться. Я хотела умереть.

– Слышишь меня?

Склонился ко мне, поворачивая за скулы к себе.

– Вымойся.

А у меня слезы по щекам снова побежали. Как все просто. Вымойся. А душу мне кто вымоет? А раны там внутри кто залечит?

– Настолько больно?

Казалось, он недоумевает, а мне голос его слышать даже не хочется.

– Утром привезу к тебе Джабиру.

Я даже не пошевелилась, почувствовала только, как он сам вытирает мои ноги, глаза закрыла и лицо ладонями. Мне было все равно. Пусть делает, что хочет. Больнее уже, наверное, быть не может. Как и унижительней.

Я погрузилась в болезненный сон, скорее, похожий на беспамятство, отодвинувшись от него как можно дальше, чтоб даже дыхание не чувствовать. Проснулась от того, что снаружи доносились крики и голоса.

– Каз-нить! Каз-нить! Каз-нить! Шармуту Асада каз-нить!

Слышались удары о стены хижины. Аднан резко поднялся и сел, посмотрел на меня и встал с матраса, накинул джалабею. Я услышала, как он вышел из хижины, и почувствовала облегчение. Пусть не возвращается. Никогда. Чудовище. Нет в нем ничего человеческого, зверь он, и люди его звери. Никогда мне не стать частью этого мира, да и не примут они меня никогда.

– Все разошлись! Казни не будет.

Послышался громовой голос, и шум на несколько мгновений стих.

– Как не будет?

– Она Асадовская подстилка! Что значит – не будет? А как же месть?! Как наши люди, Аднан?

– Я сказал – казни не будет!

Как это не будет? Будет! Я хочу казнь! Пусть казнят! Так правильно!

Я поднялась с пола, пошатываясь и не чувствуя ног, голова ужасно кружилась, и ощущение, что во мне все еще что-то есть, осталось. Словно ноги до конца вместе свести не могу. Пошла к выходу из хижины, толкнула дверь и вышла наружу.

Дом окружили люди с камнями в руках, впереди всех стояла та самая женщина во всем черном, родственница Амины. Она держала факел в одной руке и камень в другой.

– Вышла шармута! Вот она! Убейте ее! Ведьму проклятую! Из-за нее наши сыновья и мужья с отцами погибли!

Аднан резко повернулся ко мне и успел подхватить на руки, прежде чем я упала. Теперь я его голос слышала сквозь плотную вату.

– Никакой казни и расправы! Люди Асада солгали! Всем разойтись!

– Она заморочила тебе голову!

– Да! Ведьма заморочила голову! Белобрысая дрянь!

– Это ты мне сказала? Не боишься без языка остаться? Казню лично каждого, кто к ней приблизится! Ясно? Не посмотрю – женщина или ребенок! Каждого! Разошлись!

Почувствовала, что меня куда-то несут, потом положили обратно на матрас, прикрыли чем-то теплым.

– Упрямая девочка-зима. Умирать еще рано. Знать бы только, какого черта... все это.

Ненавистный голос продолжал раздаваться рядом, а мне хотелось, чтобы он исчез, испарился, и проснуться в маминых объятиях.

– Рифат, вытащи из ямы людей Асада. Проведем еще один допрос.

– Они мертвы, Аднан. Все!

Глава 2

Икрам дал ей какое-то зелье, и она уснула. А он нет. Он места себе не находил. Ему нужно было знать и понимать. Неизвестность с ума сводила. Убедиться, что чиста, что не имела ничего общего с Асадом. Девственность лишь утихомирила адскую ревность... но она никак не гарантировала того, что ее не подослали вывернуть ему мозги наизнанку, что не в этом ее истинная миссия.

И в голове пульсирует ее тихое «Аднан, Аднааан». Никто не произносил его имя так нежно, с таким отчаянием и так необычно. Он никогда не испытывал этого трепета лишь от звучания своего имени в чьих-то устах. И сердце дергается в ответ, просит, стонет, чтоб еще раз услышать, еще раз кожей почувствовать. Ему казалось, что это не на ее груди он выжиг первую букву своего имени, а она выжгла внутри него свою, и этот шрам горел огнем, саднил, нарывал от одной мысли о ней.

Лживая дрянь просто нашла к нему подход. Она влезла змеей ему в душу, ее научили, она шпионка Асада. Маленькая лицемерная шармутка, недостойная, чтоб он марал свой язык, произнося ее имя по-арабски. Нет, он не пощадит. Казнит суку. Но вначале раздерет на части, утолит голод, вонзится в нее и превратит в простую смертную с дырками для его члена. Ничего особенного. Аднан не слабак – русская сучка умрет после того, как он прольет в нее свое семя.

Но мысли о ее смерти причиняли ему боль. Там, где та самая буква натягивала мясо и сухожилия, болела под кожей. Он должен был ее убить еще до восхода, едва увидел доказательства предательства. И не смог. Потянул время. Потянул намного больше, чем полагалось.

Представить не мог, что его люди посмеют тронуть пленницу в яме. И напрасно. Она больше не была его женщиной, а стала всего лишь узницей. Внегласно они имели право сделать с ней, что угодно. Внегласно. Но они знали, что она принадлежала ЕМУ, а у него не бывает бывших, никто не смеет тронуть то, к чему прикасался он, если Аднан сам не решил иначе. И это правило тоже было внегласным. Они его нарушили. ПОСМЕЛИ! И это сводило с ума. Чья-то похоть и вожделение по отношению к той, кого он даже не попробовал, а хотел так, что скулы сводило и в паху огонь разливался. Сатанел от одной мысли о белой девчонке. Он захотел ее заклеить, отметить собой, смять ее тело, оставить на нем следы своих пальцев, зубов, ногтей – не важно что, но чтоб трогать ее, трахать ее, кончать в нее. Стереть с ее тела любое другое прикосновение, забить своим запахом и отпечатками, расписать ее всю собой. Ревность зашкалила с такой силой, что ему казалось – он сдохнет, если не возьмет ее перед казнью.

Ее страх только злил еще больше, ее голос сводил с ума, раздражал, снова заставлял сомневаться, Аднан хотел отнять возможность говорить, закрыть ей рот скотчем, он мог отнять почти все, включая ее жизнь, но хотел только то, что она могла дать ему добровольно. Хотел то, чего никто и никогда не давал, то, что ему самому было до сих пор не нужно, то, чего не знал и во что никогда не верил. Он хотел ее душу, мысли. Понять хотел, чего она хочет на самом деле. Хотел, чтоб она его была. Чтоб любила звук его имени, как он любил его слышать ее голосом. Но Аднан знал, что любви на самом деле не бывает. Любила его лишь мать и верила, что любима его отцом, которому на самом деле было плевать на нее. Ну и к черту любовь. Аднан возьмет ее тело, заставит бояться, заставит дрожать от ужаса, если не от вожделения.

А когда вошел в нее раскаленным от похоти членом, словно по позвоночнику огненная магма потекла и в голове взорвался фейерверк – не солгала. Не было там никого, кроме него. Первый он. Как и думал раньше. Не ошибся. Не подвело чутье, и удовольствие разлилось по всему телу, обжигая страстью, диким желанием, болезненным наслаждением. Но остановиться уже не смог, Аднану было мало. Ее тела мало. Он не хотел причинить страдания. Стонов ее захотел, чтоб снова имя его шептала, задыхаясь, извивалась в руках.

Но голод и желание оказались сильнее, потерял контроль. Излился в ее истерзанное тело так, как никогда и ни с кем другим, рассыпался в прах. Наслаждение граничило с агонией, и понимал, что она может дать больше. Это не все. Это лишь жалкие крошки. Физиология. Если бы в этот момент Альшита

кричала не от боли, а от наслаждения, если бы не плакала и не всхлипывала, а шептала его имя и закатывала глаза в экстазе, он бы сошел с ума от счастья. Впервые сошел с ума с женщиной.

И его накрыло диким разочарованием, когда понял, что сломал, что раскрошил то самое в ней, что его привлекло. Этот бунт, ее смелость, ее дерзость, которая его злила и восхищала. Она стала прозрачной, словно посинела, даже губы потеряли свой цвет. Напоминала ему белоснежную бабочку с надорванными крыльями. Нет, он не жалел, что взял ее. Он жалел, что сделал это именно так... никогда и ни с кем не делал, а ее буквально растерзал и ни черта не понимал почему. Дьявольские эмоции будила в нем эта русская девчонка. Превращала его в животное.

Когда понял, что толпа растерзать хочет, ощутил это дикое чувство – желание убить каждого, кто осмелится причинить ей боль. Убить жестоко и кровожадно, чтоб другим не повадно было.

Привезет к ней Джабиру. Пусть посмотрит, что с ней. У него были девственницы и раньше, никаких увечий он им своим вторжением не наносил. Конечно, у него внушительные размеры, но не настолько, чтоб разорвать девчонку на части. А внутри поднималась паника, а что, если она вся маленькая там, нежная, узкая. Ведь он ощутил эту узкость своей плотью, она башню ему снесла. Если что-то там сломал, нарушил...

И эти дохлые твари. Кто убил людей Асада? Кто из своих посмел это сделать? Среди них есть гнида, работающая на их врага. Теперь это уже точно.

* * *

Джабира не хотела ехать в лагерь. Старую ведьму пришлось тащить насильно угрозами и увещеваниями. Ради кого другого он бы этого не сделал, но бледная и полумертвая девчонка сводила его с ума своим видом. Он боялся, что сильно навредил ей.

– Что? Разбушевался твой внутренний зверь? Я всегда знала, что в тебе живет дьявол, и отцу твоему говорила, что рано или поздно ты превратишься в очень опасного и неуправляемого хищника. Зря он тебя отлучил от дома и от своего

контроля избавил.

- Не болтай. Ты мне и без языка можешь пригодиться. Два раза думать не стану.

- Что сделал со своим подарком? Сломал?

- Хочу, чтоб ты мне сказала. Я не знаю.

- Вези сюда, и скажу.

- Нет, со мной поедешь. Больно много чести к тебе, ведьме, на поклон идти.

- И все же пришел.

Она была права - он пришел. И оттого злился.

- Не поедешь - я завалю твою пещеру, а тебя посажу в яму.

- И ты считаешь, это умный поступок?

- Ты не оставляешь мне выбора своим упрямством. Вылечишь девчонку - верну тебя в деревню. Не будешь по пещерам прятаться. Покровительство свое дам.

Глаза старухи сузились. Предложение ее явно заинтересовало. Через минуту она уже была готова влезть в седло его коня.

А сейчас он стоял за порогом хижины и ждал, что она скажет. Словно от этого зависела его собственная жизнь. Она вышла спустя час, если не больше. Вышла и увлекла его с собой под навес, закуривая длинную трубку и вызывая дискомфорт своим пронизательным взглядом.

- Боишься? Каково это чувствовать страх, Аднан?

- Я не чувствую страх. Мне нечего бояться.

- Неужели? А как же страх потерять? Страх чувствовать себя виноватым в этой потере?

Он промолчал и отвернулся, глядя на то, как солнце закатывается за барханы, окрашивая их в кроваво-красный цвет.

- Любовь приносит этот страх, как и боль. Они идут об руку. Всегда вместе, верные спутники друг друга.

- Любви нет. Ее придумывают лишь идиоты, чтобы прикрывать ею свои безумства и похоть.

- Ты причисляешь себя к идиотам?

Резко повернулся, и зеленые глаза вспыхнули яростным огнем.

- Тебе надоело жить?

- Нет, мне когда-то надоело лгать и лебезить. За это ты меня уважаешь, Аднан ибн Кадир. Старая Джабира говорит, что думает.

- Не боишься?

- Не ведают страха лишь глупцы. Я боюсь. Но жажда сказать правду превыше этого страха.

Наглая ведьма, совершенно потерявшая уважение, все же восхищала его. Он ненавидел и презирал трусость в любом ее проявлении.

- Ты впустил русскую девчонку намного глубже, чем просто похоть. Ты позволил ей поселиться вот здесь.

Ткнула пальцем ему в грудь.

- Теперь ты будешь чувствовать боль вечно, пока не умрешь. Впрочем, иногда эта боль будет счастливой. А иногда будешь готов выдрать собственное сердце,

лишь бы не подыхать в агонии.

- Ты несешь полную ересь, старая. Мне неинтересны эти бредни. Скажи мне, что с девчонкой? Ты осмотрела ее?

- Осмотрела. Ничего особенного. Немного потертостей, парочку синяков и ссадин. Жить будет. Не порвал ты ее и не покалечил. Физически.

И вперила в него пронзительный, полный гнева взгляд.

- А морально ты ее растерзал и разломал на куски. Женщины болезненно переживают насилие. Оно оставляет шрамы внутри. Жуткие, незаживающие раны. И они еще причинят много боли вам обоим. Надо было держать зверя на цепи.

- Она, возможно, предательница! Возможно, ее подослал Асад.

Ведьма отрицательно покачала головой.

- Нет. Девчонка не пришла от Асада.

- Ты не можешь этого знать наверняка.

- Не могу. Но я редко ошибаюсь в людях. Найди кого-то, с кем она сможет говорить, чтоб не оставалась одна. Ты нанес ей серьезную травму. Слишком жестоко для первого раза... даже не знаю, как ты теперь сможешь получить свой второй. Вряд ли тебя впустят добровольно.

И это разозлило больше всего. Потому что знал, что она права. Сам думал об этом... думал о том, что сдохнет, если не получит ее тело еще раз. В ближайшее время.

- Ты и поговоришь. Останешься в деревне.

Ведьма вскинула голову и выпустила густые кольца дыма.

- Они не примут меня. Ты сам знаешь.

- Примут. Я прикажу, и они будут лизать тебе ноги.

Ведьма усмехнулась.

- А говоришь, что я несу ересь. Для кого еще ты смог бы вернуть в деревню ту, кого закидали камнями и изгнали много лет тому назад?

- Какая тебе разница? Ты вернешься сюда и получишь мое покровительство. Вылечишь девчонку. А затем я заберу тебя в Каир.

- Я не поеду в Каир. Мое место здесь. Не проси и не приказывай. Я не подчинюсь.

- Посмотрим. Иди к ней, Джабира.

Едва силуэт ведьмы скрылся за дверью, Аднан услышал шаги и обернулся - Рифат направлялся прямо к нему. Одежда в песке и усталый взгляд - вернулся с разведки вместе с отрядом.

- Ничего нового. Все чисто.

- Это временно.

- В деревне недовольны. Ты отменил казнь и привез Джабиру.

- Недовольные есть всегда.

- Так много? Почти вся деревня?

Аднан отпил воды из фляги и снова повернулся к барханам - солнце почти село, и лишь розовато-фиолетовые блики все еще переливались на песке.

- Ты оставишь ее себе после всего, что узнал.

- Оставлю. Потому что я так хочу.

– А как же Асад и фото?

– Я узнаю, что это за снимки и кто их подделал. Не зря все трое пленных убиты. Среди нас предатель. А девчонка оказалась чистой.

– Чистой?

– Да, чистой. По крайней мере, физически. Я ее первый мужчина. Как, впрочем, и последний. Тронет кто – казнь лично. Через несколько дней поедем в Каир. С отцом хочу встретиться и людей просить. Заодно Альшиту домой отвезу.

Рифат не по-доброму усмехнулся.

– С женой познакомишь?

– Мы, кажется, уже договорились, что моя личная жизнь тебя совершенно не касается.

Поднял тяжелый взгляд на помощника, и тот тут же опустил голову.

– Прости. Я только спросил.

– Не спрашивай о том, что тебя не касается.

Глава 3

Мне казалось, что я вся занемела. Как будто под действием сильнейшей анестезии. Я не испытывала боли, я, скорее, заморозилась вся с головы до пят, стала каменной.

И ощущение – будто я грязная, испачканная, вываленная в грязи. И опять это чувство, которое вызывает панику – отсутствие желания жить. Разочарование от того, что я живая, и даже злость на себя за это вместе со страхом смерти. Я

боялась открыть глаза, не зная, кого я перед ними увижу и какие страдания меня ждут снова. Я приподняла веки и тут же зажмурилась. Узнала потолок. Пока он брал меня, я запомнила каждую черточку на нем.

- Открывай глаза, не бойся. Его здесь нет. Никого нет, кроме старой Джабиры.

Я узнала голос ведьмы сразу, его хриловатую певучую скрипучесть не спутать ни с кем. Старческий и в то же время такое впечатление, что его старят нарочно. Смотреть на нее не хотелось. Пока мои глаза закрыты, я все еще где-то в своем сне. Но стоит мне их открыть, и я снова попаду в кошмар с хрустом песка на зубах. Все еще саднило между ног и болели бедра и ноги вверху. Их словно сильно потянуло. Я не удивилась присутствию Джабиры. Он обещал ее привести. Нужно починить свою вещь, чтоб она и дальше работала и приносила пользу ее хозяину. Помимо промежности болело так же в груди, сильно болело, и сердце дергалось от жуткой мысли, что зверь вернется, чтобы сделать это со мной снова.

- Я осмотрела тебя. Разрывов нет. Ты в полном порядке. А боль после первого сношения с женщиной естественна для девственницы, тем более у тебя очень узкие бедра и узкий вход в твоё естество. Но наши мышцы эластичны, мы умеем растягиваться, и тот дискомфорт, что ты испытываешь сейчас, скорее, от потертостей из-за твоей сухости и не готовности принять своего Господина. В следующий раз будет лучше, а если не будет - увлажни себя слюной или жиром.

- Не будет! - истерически закричала и вскочила. - Я не позволю! Руки на себя наложу, он не прикоснется ко мне!

- Ну и дура.

Ведьма помешивала какой-то отвар в стеклянной банке палкой и периодически приносивалась к нему.

- Умереть можно всегда и в любой момент. Самоубийцы просто тупые трусы. А ты сильная, ты умеешь бороться. Да и зачем тебе борьба? Он помешан на тебе. Ты можешь вертеть им, как пожелаешь, если будешь умной. Используй свои чары. Если он полюбит тебя, ты можешь стать его женой, родить ему наследников. У Кадира пока что нет преемника, ни один из сыновей не обрюхатил своих жен и любовниц.

– Я домой хочу. Я не хочу быть ни кем этому зверю. Я его ненавижу, я желаю ему смерти!

Ведьма расхохоталась и еще раз принюхалась к склянке, потом взяла в руки другую банку и вылила их содержимое в третью.

– Ты даже не представляешь, насколько близко ходят друг от друга ненависть и любовь. Они держатся за руки, потому что сестры родные.

– Я представляю себе только ненависть.

– И это ярчайшая из эмоций.

Я отвернулась от нее и больше не смотрела на старуху. Она говорила странные и непонятные мне вещи. Нет, я больше не боялась. Что еще он может сделать со мной? Убить? Я и так почти убита. Изнасиловать? Я уже знаю, что это такое, и меня не испугать. Я в аду, и меня пытаются каждый день. Мне уже нечего бояться.

– Красивая женщина и глупая. Ты ведь можешь получить все, что пожелаешь. Мужчиной так легко управлять, когда в его чреслах все каменеет при мыслях об одной единственной женщине.

Ее слова напоминали мне статью какого-нибудь психолога из женского журнала. Они лишь раздражали и злили. Я не нуждаюсь в том, чтобы меня программировали или лечили мне душу. Пусть просто уйдет и оставит в покое. Я хочу полежать в одиночестве.

– Пора начинать привыкать к своей реальности. Я приготовила для тебя отвар, который поможет регенерации твоего тела, а потом ты поешь бульон с лепешкой. Тебе нужны силы.

Я ее не слушала, закрыла глаза и просто не обращала внимание. Не хочу есть, не хочу набираться сил. Сдохнуть хочу.

– А яд у тебя есть? Я бы нашла, чем тебе заплатить. Достань для меня яду.

- Ты ничего не поняла? Он знает все. Рано или поздно меня не просто казнят за это - меня схоронят, как проклятую, и моей душе никогда не будет покоя.

Суеверия и первобытное варварство. Я словно в другом веке или в самом жутком и дурном сне. Меня собирались казнить. В этом мире, наверное, могут и повесить, и четвертовать, а ожидание смерти хуже самой смерти.

- На вот. Выпей. Станет намного легче.

Протянула мне склянку с темно-коричневой вязкой жидкостью.

- Зажмурься и залпом. Тошнить не должно, я добавила туда противорвотное. Приходи в себя. Аднан собирается ехать в Каир и взять тебя с собой.

Я обхватила плечи руками, меня колотило, как в ознобе, паника нарастала где-то в глубине. Я начинала задыхаться.

- Невыносимая дура. Посмотри на меня... Это не насилие, девочка. Это грубый секс, жесткий, без подготовки. Ты не знаешь, что такое насилие, и тебе никогда не узнать... Джабира знает. Джабира каждую ночь видит это во сне. После насилия и от тела, и от души остаются одни лохмотья. Аднан мог отдать тебя на потеху своим людям, они порвали бы все твои отверстия, включая ноздри и даже самые маленькие дырочки на твоём теле. Ты знать не знаешь, что такое озверевшие и дорвавшиеся до плоти голодные звери. Они бы имели тебя везде, куда можно отыметь... после такого даже я спасать не умею. Только помочь и облегчить страдания смертью, если несчастная сама не умирает от кровотечений и болевого шока.

По мере того как она говорила, меня тошнило и ком подкатывал к горлу.

- Пусть меня казнят... я не буду пить твои зелья. Я хочу умереть.

По щекам потекли слезы, и засадило в горле и в груди. Чтобы чувствовать боль, не обязательно быть разодранной физически. Я хотела с ним по-другому, я хотела дарить ему себя, а вместо этого меня использовали и потрепали мне душу.

Ведьма куда-то вышла, а я закрыла глаза и отвернула голову в сторону. Не хочу ничего. Нет больше стремлений, испарились мечты и перехотелось домой. Такая грязная я не могу туда заявиться. Я свернулась клубком и поежилась от вечерней прохлады. Или это внутри меня настолько холодно, что даже вдохнуть больно?

Дверь внезапно открылась, и я не знаю, как ощутила ЕГО присутствие, оно вдруг впилось в мозг клещами, заставило подскочить и забиться в угол, лихорадочно осматриваясь в поисках оружия. Нет, не против него, а против себя. Чтоб не позволить даже приблизиться. Аднан закрыл собой весь проем и бросал на пол длинную черную тень. Посмотрел мне в глаза, потом осмотрелся по сторонам и снова мне в глаза.

Взгляд бедуина был непроницаем, зеленые радужки словно светились, но в них не блеснул пожар ненависти и презрения. Он сделал шаг ко мне, и я вскочила с ложа, обхватив себя руками, чувствуя, как от страха подгибаются колени.

– Джабира сказала, ты отказалась от лекарств и от еды. Сказала, ты умереть решила.

– Верно сказала! – попятилась еще дальше назад, ближе к свечам. Если приблизится, я подожгу на себе одежду и обгорю так, чтоб стать уродливой, а если повезет, может, и сгорю насмерть.

– Так вот, ты сейчас выпьешь зелье, а потом съешь свой ужин, и не приведи Аллах, ты оставишь хотя бы глоток или ложку.

– А что будет? Казнишь? Изнасилуешь? Отдашь своим людям на растерзание? Зачем мне лечиться, чтоб ты снова мучил меня и прикасался ко мне своими ненавистными руками? Лучше сдохнуть!

Схватила свечу.

– Не приближайся ко мне.

Ухмыльнулся, и мне стало не по себе от его красоты варварской и проклятой экзотики. Я глазом моргнуть не успела, как он выхватил у меня свечу и потушил

огонь голыми пальцами, а потом зажал меня рукой за горло сзади и поднес ко рту склянку с зельем.

- Ты выпьешь, или я - не я.

Сдавил мне скулы с такой силой, что я невольно открыла рот, и в горло потекла какая-то вязкая горечь. Попыталась вырваться, но рука Аднана так сдавила мне ребра, что я не смогла и вдохнуть. Когда сделала последний глоток, араб отшвырнул меня от себя, и я свалилась мешком на матрасы, задыхаясь, кашляя и размазывая слезы. С ненавистью посмотрела в глаза ибн Кадиру.

Казалось, он сжигал меня взглядом на расстоянии, брови сошлись на переносице, и неожиданно для самой себя я заплакала от бессилия, от мерзкого осознания своей ничтожной слабости.

- Еще одна подобная выходка, и я сам сожгу тебя живьем. Если Джабира скажет мне снова, что ты не ешь, я затолкаю в тебя еду насильно.

Он ушел, а я тряслась от рыданий, свернувшись на полу, обхватив себя руками. Ненавижу. Как же я его ненавижу. Я бы смотрела, как он горит и корчится от боли. Не услышала, как ведьма вернулась в хижину.

- Слезы полезные, они как раз исцеляют душу и сердце. Кто не умеет плакать - тот не умеет любить. Ты не умрешь. Аднан не даст. Ты дорога ему.

В тот момент до меня еще не доходил весь смысл этих слов. Я была слишком надломлена, испуганна, несчастна.

- Ты не представляешь, насколько он в твоей власти. Будь умной, Альшита. Ты все можешь обернуть в выгоду для себя.

- Мне не нужна выгода... я домой хочу. К маме хочу.

- Начни жить в этом мире, а не цепляться за свой, в который ты уже никогда не вернешься.

- Пусть он меня отпустит домой. Я все что угодно сделаю для него, но пусть отпустит.

Она тяжело вздохнула.

- Не отпустит он тебя. Долго не отпустит, а может, и вечно. Запала ты ему в самое сердце, а оттуда не отпускают.

В этот момент с улицы донесся дикий крик, плач. Я встrepенулась, зажала уши руками. Я больше не могла слышать крики боли. Я устала, меня это сводило с ума.

- Что там происходит? - закричала я. Джабира приоткрыла дверь и несколько секунд смотрела наружу, а потом закрыла дверь и повернулась ко мне:

- Ничего особенного. Маленькую Амину собираются наказать за какой-то проступок. Кажется, ее будут прилюдно бить палками.

О божееее, у меня зашло сердце. Это из-за меня. За то, что еду мне носила. Только не Амина. Нет!

Я выскочила на улицу, оттолкнув Джабира в сторону, и застыла на несколько секунд, не веря своим глазам. Женщины обступили Амину плотным кругом и толкали девочку в его центр, не давая ей сбежать.

- Воровка. Украла воду и хлеб для чужой!

- Предательница!

- Воровка!

Я не верила своим глазам - около десятка взрослых женщин собрались бить палками беззащитную маленькую девочку? Мне кажется или это происходит на самом деле? Но мне не казалось, они действительно размахивали палками и пугали малышку, гоняя ее по кругу.

- Ты как смела лепешку украсть? Как смела потом в глаза своей тети смотреть?

- Маленькая дрянь подружилась с русской шармутой! Хочешь стать такой, как она, да? Еду для нее ворует?

- Она не виновата. Она кормила меня. Она хорошая, хорошая. Пожалуйста, Гульшат, я не воровала!

- Наказать ее! Воровала. Я видела, как унесла хлеб! Бейте ее, так, чтоб навсегда запомнила, ломайте ей кости. Мой сын все равно на ней не женится, ему запретили... ломайте!

Я вдруг вспомнила, как молила Аднана вступиться за сироту, не позволять сыну ее тетки трогать и лапать девочку. Наверное, ему запретили, вот и гнобят несчастного ребенка. Они словно по команде кинулись на Амину, а я бросилась к ним, схватила одну из бедуинок за шиворот, отшвыривая в сторону.

- Не смей бить ребенка! Вы что - нелюди?! Вы же женщины! Матери!

- Ты смотри, русская шармута вылезла из норы!

Я толкнула Амину себе за спину, закрывая ее собой.

- Вы, дуры взрослые, ребенка палками бить вздумали? Трусливые вороны! Только подойдите, я вам глаза выцарапаю. Не верите? Я могу. Я ненормальная, ясно?

Ходят вокруг меня кругами и не решаются кинуться. Боятся, сволочи. Вот и бойтесь, ведьмы злобные.

- Как вы можете девочку бить? Накажите, проучите, оставьте без вкусного, сладкого, но бить? Вы что - палачи?

- Слышь ты, учить нас вздумала? Тебя мало били, иначе не выросла б из тебя шармута. Подстилка Асадовская. Тьфу.

Гульшат плюнула в мою сторону.

– Бейте обеих!

Некоторые женщины переглянулись.

– Аднан велел не трогать.

– Не нам велел, а солдатам. Нам никто ничего не велел. Бейте их обеих, иначе она у нас и детей, и мужей уведет. А маленькая дрянь ей пособничает. Предала нас ради чужестранки. Обе предательницы и твари!

Гульшат замахнулась первая и ударила меня по плечу. Я бросилась к ней, выдергивая палку из рук и отшвыривая в сторону.

– Не лезь ко мне! Я тебя голыми руками разорву!

Но она все равно накинулась на меня, хватая за волосы.

– Бейте ее! Бейте!

За ней следом кинулись другие, а я поняла, что против толпы ничего сделать не смогу, Амину к себе прижала и на песок бросилась, собой закрывая. Удары сыпались на плечи и на голову один за другим, а я губы закусилась, представляя себе, что это сестренка моя, что это ее бить хотели. Мою маленькую Верочку. Амина бьется подо мной, плачет, кричит, а я молчу, только дергаюсь, когда палки на спину и плечи опускаются, голову рукой пытаюсь закрыть.

– Что здесь происходит? Ах вы ж твари! Вы что – с ума посходили? А ну разошлись, курицы! Вы что натворили?!

Голос Рифата пробивался сквозь крики женщин, ругательства и плач Амины. Удары еще опустились на спину и на руку и тут же прекратились, когда в воздухе засвистел хлыст и кто-то из женщин истошно закричал.

– Как смели тронуть? Приказ мой нарушить? Кто затеял? Кто такой наглый и смелый, что решил без шкуры остаться?

Я вздрогнула от голоса, который тут же узнала, и по телу прошла дрожь ненависти.

- Это Гульшат. Она все затеяла! Онаааа!

- Как смела послушаться меня, а, Гульшат? Как смела?

- Одна - воровка, а другая - дрянь Асадовская! А у тебя глаза пеленой похоти затянуло! Ничего из-за своей шарм...

Охнула, а мне захотелось уши руками закрыть, чтоб свист плети не слышать.

- Всех десятерых в яму. Завтра с утра пусть их мужчины каждой высыпят по десять плетей. А если откажутся - и их ждет та же участь и изгнание из деревни.

Чьи-то руки тронули мои плечи, и я, всхлипнув от боли, повела ими, чтоб не трогал, но меня тут же подняли с песка на руки.

- Дура ненормальная! - процедил сквозь зубы по-русски и понес в сторону хижины.

- Аминаааа..., - закричала я.

- Сдалась она тебе, девчонка эта? Рифат, головой за ребёнка отвечаешь, накорми и приведешь ко мне. Если, и правда, воровала, пальцы ей отрежем.

- Нееееет! - я закричала и вцепилась ему в шею ногтями. - Мне отрежь! Она же маленькая совсем! Что вы за звери?

- Прекрати истерику! Она должна понимать, что воровать нельзя!

- Понимать это без пальцев? В вашем мире, где женщина руками зарабатывает на хлеб, и мужчина ни в чем не помогает ей по дому?

Он молча нес меня в хижину, а у меня от страха закружилась голова. Стало жутко, что он меня снова швырнет на матрас и возьмет насильно. Я молила бога, чтоб внутри оказалась Джабира, но ее там не было. Она словно испарилась. Потом я привыкну. Старая ведьма делала это постоянно – испарялась без предупреждения и иногда в самый нужный момент. Аднан положил меня на матрас, и я тут же попыталась отползти назад, но вместо движений только дернулась и тут же застонала. Боль расплзлась по всему телу, но по спине и плечам так сильно, что мне захотелось закричать.

– Где Джабира?

– Не знаю.

Тяжело дыша, смотрела на него, и мне казалось, что не видела его уже очень давно, он даже успел измениться, словно похудел или осунулся, весь зарос неухоженно. Не так, как всегда, а так, как будто бриться забыл. Смотрит на меня исподлобья, и мне хочется превратиться в маленькую точку и исчезнуть.

– Сними джалабею и ляг на живот.

Нет! Нееееет! Только не это. Пожалуйста. Я не готова, у меня еще там не зажило, у меня еще в голове не зажило. Чувствую, как дрожат колени, как внутри все сжалось в комок от ожидания неминуемой адской боли, если снова решит взять силой. Я помнила, как в прошлый раз он вонзался в меня, разрывая мне внутренности, до сих пор ноги вместе сводить больно, и от потертостей саднит там внизу и щиплет. Я зажмурилась, стараясь сдержать вопли ужаса, протеста, не распалаять зверя агонией моего страха.

– Пожалуйста, можно не сегодня. В другой раз. Я прошу. В другой.

Он в два шага преодолел расстояние между нами и наклонился ко мне. Жестокие пальцы сжали мой подбородок, и я открыла глаза, вкладывая в свой взгляд все мое презрение и ненависть к нему, вместе с отчаянным ужасом.

– Сними джалабею и ляг на живот. Еще раз повторять не стану. Сам сниму и сам уложу.

Я не посмела перечить, слишком страшно. Слишком свежо в голове то, что он сделал со мной, и все тело дрожит от отчаянного ужаса. Стянула джалабею через голову и, стараясь не смотреть на бедуина, тут же легла на живот, сильно зажмурившись и молясь тихонечко про себя.

- Почему боишься меня сейчас? Я не трогал тебя все эти дни и сейчас не трогаю пока.

Разве сейчас не собрался тронуть? Разве не за этим приказал лечь?

- На меня посмотри, Альшита.

Решилась посмотреть ему в глаза и не поняла своей реакции на них. В этот раз совершенно не поняла. Они не напоминали мне глаза зверя, как в ту ночь. Сейчас они имели невероятно светлый цвет, насыщенный, особенно в сочетании с очень темной кожей и черными волосами. Аднан вдруг взял меня за подбородок, а я вздрогнула, и он убрал руку. Несколько секунд смотрел мне в глаза, и светлые радужки стали на несколько тонов темнее.

- Я не причиню тебе боль, пока ты не вынудишь меня ее причинить. Ты вообще понятия не имеешь о боли и не знаешь, что это такое. Но ты смелая. Ты отчаянная... Зачем влезла? Амину зачем спасать пришла? Они могли насмерть тебя забить, я собирался уезжать из деревни и вернулся лишь для того, чтобы... Неважно, зачем вернулся.

Его брови сошлись на переносице, и он снова коснулся моего лица, скорее, обхватывая пальцами, чем лаская. Я вся внутренне напряглась. Мое дыхание слегка участилось, а жесткие пальцы исследовали мою скулу, прошлись по губам, слегка оттягивая нижнюю вниз.

- На тебя можно смотреть бесконечно, Альшита. Как на дождь, огонь или на снег. Моим глазам нужно видеть твое лицо. Но мне мало просто смотреть на тебя.

- Не надо смотреть. Смотри на кого-то другого.

Вырвалось само, и я зажмурилась снова, словно он мог бы ударить меня. Но вместо этого его пальцы прошли по моему позвоночнику, потом тронули ссадину на лопатке, и я вскинулась.

– Мне всегда было плевать на чужую боль. А сейчас я готов убить каждого, кто посмел ее тебе причинить.

А себя? Себя ты убить не хочешь? Но его рука касалась слишком нежно и осторожно, и я лишь спустя несколько секунд поняла, что он наносит мне на спину какую-то мазь.

– Ты пока что неизведанные вершины, я не пойму – кто ты и зачем ты здесь. Я так же еще не знаю, что именно это значит для меня. И я не хочу делать тебе больно. Не вынуждай меня, договорились? Не вынуждай становиться с тобой зверем.

Секунда очарования снова перелилась во всплеск паники, когда пальцы сжали затылок.

– Амина останется в моей хижине прислуживать тебе лишь с тем условием, что ты будешь повиноваться мне во всем и есть то, что приготовит Джабира. Ослушаешься – я позволю им спустить с девчонки шкуру.

Глава 4

Утро было очень холодным, как и ночи в этой проклятой пустыне. Они собирались в путь: Аднан и его отряд. А меня страшили перемены, пугало, что станет еще хуже, чем есть, что в городе меня запрут где-то и не дадут даже выйти на улицу. Как проституткам в борделях или проданных богатым хозяевам. Дорогие игрушки, запертые в золотые клетки до того момента, пока не надоест хозяину и ее труп не выловят где-то в реке или брошенным в канаву. Суета пробуждала во мне тоску, и пусть это место было варварским и жутким, неизвестность пугала намного больше. Спустя какое-то время ко мне приблизился Рифат, держа под уздцы белого жеребца.

– Теперь у тебя есть свой конь, Альшита. О тебе позаботились. Цени.

Я обернулась к всегда молчаливому бедуину и перевела взгляд на коня, а потом снова на Рифата.

– Аднан сделал тебе подарок. Чистокровный арабский жеребец – дорогое и прекрасное создание, стоит целого состояния для жителей пустыни. Цени. Не помню, чтоб ибн Кадир делал кому-либо столь щедрые подарки.

В голосе бедуина сквозили нотки то ли сарказма, то ли какой-то бравады. Все его слова казались нарочито пафосными. Перевела снова взгляд на коня. И что мне с ним делать? Я не умею им управлять, я ездила верхом только в парке на свой день рождения в детстве. Я даже не взберусь на него никогда самостоятельно.

– Ничего. Лошадь – это не машина. Долго учиться не надо. Тем более, мне велено тебя охранять и присматривать за тобой в дороге. Бери поводья и ничего не бойся. Конь покладистый и не норовистый. Его выбирали специально для тебя.

Я и не подумала взять поводья. Я не смогу взобраться на это чудовище и точно не смогу удержаться в седле. Почему бы Аднану было просто не пришить меня самому. Я ведь все равно упаду под копыта этого белого монстра, с лоснящимися боками и крепким телом, который фыркает, едва смотрит на меня.

– У него есть имя?

– Нет. Аднан купил его вчера у перекупщика. Если имя и было, то торговцу его не сообщили. Ты можешь сама придумать ему имя. Теперь ты его хозяйка.

Конечно, хозяева дают имена своим зверькам и игрушкам. Вот и мне имя дали, а мое отобрали и сделали вид, что его и не было никогда. А новое мне чуждо, оно как позорная кличка, и я никогда его не приму и не привыкну к нему.

Да и зачем привыкать, если у меня поменяется хозяин, то мне придумают другое. Почему-то от мысли, что с Аднаном может что-то случиться, стало неприятно внутри, как будто сильно засадило в области сердца, и тут же протестом – пусть случается. Какая разница – от кого терпеть жестокость? Какая

разница – чьей игрушкой быть... Но ведь разница была. И я прекрасно об этом знала, несмотря на всю ту боль, что ощущала внутри себя.

– Я назову его Снег... если я зима, то он мой снег.

– Мне все равно, как ты его назовешь.

Протянула руку и тронула его шею, погладила мягкую белоснежную гриву, перебирая ее пальцами, и по венам начало растекаться умиротворение, словно коснулась чего-то мощного и прекрасного. Жеребец фыркнул и обернулся ко мне, потянулся мордой к моему лицу, и я оцепенела от страха. Конь тронул мои волосы шершавыми губами.

– Надо же. Аднан не ошибся. Он сказал, что стоит тебе прикоснуться к жеребцу, и тот признает тебя своей хозяйкой. Что он обречен. А я думал, что обречена будешь ты.

– Что это значит?

Рифат рассмеялся.

– Это значит, что конь вовсе не покладистый. Он норовистый и своенравный. Его пытались объездить двое наших воинов, и он им не дался. Только Аднан смог его обуздать... я сомневался, что конь позволит тебе приблизиться. Удивительно.

Значит, Аднан рискнул моей жизнью, лишь бы убедиться – примет меня жеребец или растопчет. Конечно, с игрушкой можно поступать по-всякому. Я убрала руку от морды животного.

– Я не хочу такие подарки. Я поеду с кем-то из вас.

– Испугалась? Напрасно. Он не тронет тебя. Это видно по его реакции. Лошади умные животные, и они сами выбирают себе хозяев. Мы лишь тешим себя иллюзией, что это мы их выбрали.

– Мы едем в Каир?

– Мы едем в Каир, верно. Ближе к городу пересядем в машины. Нас там встретят люди Аднана и его брат.

– Это далеко?

– Не так уж и далеко. Вон там, где на горизонте виднеются барханы, как раз за ними нас будут ждать.

– А почему нас будут ждать?

– Потому что повсюду рыскают люди Асада.

– Почему вы с ним воюете?

– Когда-нибудь ибн Кадир сам тебе расскажет, если сочтет нужным.

До этого момента он был более разговорчив, и я расслабилась, мне показалось, что я могу получить ответы на многие свои вопросы, что мне расскажут то, что я не решалась спросить у их предводителя. И я хотела узнавать. Я хотела иметь намного больше информации, чтобы знать, что мне делать дальше.

Вдруг послышался голос Аднана и невольно привлек к себе внимание. Очень красивый, зычный. Тембр, как отражение мощи и власти. Я испытывала восхищение вместе с презрением, потому что этот голос меня оскорблял, этот голос говорил мне отвратительные вещи. Снег коснулся моего лица гладкой мордой, но я даже не вздрогнула – я смотрела на Аднана верхом на его черном жеребце. Он осматривал своих людей и гарцевал на месте, осаждая коня. Прямой, гордо держащийся в седле, с ровной спиной. Во всем его облике дикость, мощь, первобытная сила и грация. Его красота продолжала меня поражать. Особенно сейчас, на фоне песков, она казалась естественной, как красота хищника в своей среде обитания. Где он наиболее могуч и опасен.

И снова хотелось зажмуриться от этой красоты. Сильные руки, затянутые кожаными полосками на запястьях и ладонях, чтобы не натирались мозоли, как я понимаю. Длинные и гибкие пальцы. Мне уже не верилось, что они прикасались ко мне, лаская когда-то, и я стонала от этих ласк... я помнила, как они рвали на мне одежду и грубо мяли мое тело. Теперь мне казалось, что они могут лишь

убивать или наносить увечья, и в тоже время они все равно заволаживали. Аднан был с непокрытой головой, и его короткие иссиня-черные волосы блестели на утреннем солнце. Я не привыкла его видеть без кувии. Он казался немного иным, вот такой открытый.

Сейчас я видела его мощную широкую шею, резко очерченные выступающие скулы, профиль с прямым ровным носом и словно вырезанными из камня ноздрями. В нем привлекало буквально все. Каждая мелочь складывалась в его неповторимый образ... и я не понимала, почему он так сильно волнует меня, несмотря на мой страх и ненависть.

- Как бы жестоко он с ними не поступал, они всегда вот так смотрят на него. Словно он единственный мужчина во вселенной.

- Кто смотрит?

Я повернулась к Рифату, а он пристально смотрел мне в глаза.

- Его женщины. Не обольщайся, Альшита, ты не первая и далеко не последняя рабыня ибн Кадира, которая на какое-то время заняла его мысли и его постель.

Вся краска прилила к лицу. Я даже в этом не сомневалась. Что их у него много, и я далеко не первая. Он всех своих женщин насиловал и даже не скрывал этого, или это только мне так «повезло»?

Рифат улыбался, и его улыбка меня раздражала. Он смотрел на меня с унижительной и отвратительной жалостью. Даже не так. Скорее, со снисходительной жалостью. Мне захотелось послать его к черту, но я этого не сделала, потому что впервые со мной говорил кто-то приближенный к Аднану, и я должна, несмотря на свою злость, впитывать новые знания.

- Ты сегодня впервые беседуешь со мной? Чем я заслужила такое пристальное внимание?

- Тем, что ты стала ближе к нашему предводителю. Ты больше не просто рабынька, а его женщина, и он этого не скрывает. Он прилюдно сделал тебе подарок - это значит, в глазах его окружения ты поднялась по ступенькам

иерархии. И мне интересно, как тебе это удалось сделать? А теперь залазь на коня и двигаемся в путь.

– Я на него не влезу.

– Придется научиться.

В этот момент Аднан направил к нам своего коня и, подхватив меня, ловко и быстро усадил в седло. От неожиданности у меня даже дух захватило. Тут же стало страшно, и я вцепилась в поводья вспотевшими мгновенно ладонями.

– Будь рядом с ней. Я поеду вперед, разнюхаем местность. Нас могут ждать по ту сторону от каньона.

Внезапно слышались женские крики. Настолько пронзительные и жуткие, что у меня кровь в жилах застыла. Я обернулась и увидела, как на маленькую площадь в деревне вытянули тех женщин, которые вчера били Амину. Мужчины вколачивали деревянные столбы в песок, и вся деревня собралась посмотреть на это. Вначале внутри меня взметнулась волна протеста. Я с ужасом представила, как их привяжут и будут бить плетями, а потом вспомнила, как металась среди них маленькая девочка и никто не собирался ее пожалеть. Тут же ощутила прилив ненависти, но он опять пропал, когда одна из женщин закричала, умоляя не трогать ее.

Я посмотрела вслед Аднану и обернулась к Рифату.

– Не надо их наказывать. Это жестоко, а жестокость порождает жестокость.

Бедуин снова ухмыльнулся.

– Твоя доброта граничит с тупостью, женщина. Это урок для них. И если сейчас они не понесут наказание за своеволие, завтра избыют до смерти другого ребенка.

– Где Амина? Мне обещали, что она поедет со мной.

– Она сзади с Икрамом. Если обещали, значит, так и будет. Аднан ибн Кадир не нарушает своих обещаний.

Мы двинулись в путь. По началу я плелась сзади и старалась не свалиться из седла. Рифат ехал то со мной, то пришпоривал коня и скакал в начало отряда, потом снова возвращался. А мне казалось, что этой дороге нет конца и края, и что у меня набухнут мозоли даже на ягодицах. Одинаковый пейзаж создавал иллюзию топтания на одном месте, а барханы на горизонте так там и оставались. Ближе к полудню я начала засыпать от усталости на ходу.

– Не спи, упадешь из седла и переломаешь себе ноги и руки.

Мне уже наплевать, потому что ломило все тело и сводило с непривычки бедра. Ссадины на спине разболелись с новой силой, и я уже казалась себе совершенно поломанной.

– Давай не спи. Я головой за тебя отвечаю. Хочешь выпить вина? Или, может, воды?

– Я ничего не хочу... у меня все болит.

Пролепетала я пересохшими губами, стараясь смотреть вперед и не думать о дикой боли в спине и ногах, в онемевших с непривычки мышцах.

– Зачем мы едем в Каир? Разве твой предводитель и вы все не живете в пустыне?

Рифат поравнялся со мной и взял моего коня под уздцы, заставляя идти быстрее.

– В Каире живут братья и отец Аднана. Здесь не его дом, а скорее, место его работы, обязанности, которые он выполняет для семьи. А еще в Каире живет его жена. Думаю, он пожелал ее увидеть. Они совсем недавно поженились.

Я не просто проснулась, меня словно ударили коленом в живот, и я выпрямилась в седле, забывая про боль в спине.

– Жена?

Рифат, казалось, был доволен произведенным эффектом, и мне даже подумалось – он нарочно мне все это сказал.

– Конечно, жена. Сын бедуинского шейха по определению должен жениться как можно раньше и произвести на свет наследников.

Пока он говорил, я едва понимала его. Словно каждое слово искажалось и переставало быть для меня понятным. Я не думала, что известие о том, что Аднан женат, будет для меня сродни удару в солнечное сплетение, настолько сильному, что я не могу сделать ни вдох, ни выдох. Я смотрела впереди себя и ничего не видела, словно мне в глаза песок насыпали.

В эту секунду меня кто-то выдернул из седла, и я услышала голос Аднана.

– Впереди все чисто, а она дальше со мной поедет.

Бедуин пересадил меня к себе в седло и, по-хозяйски сжав под ребрами, придавил к себе. А я все еще не могла отдышаться, все еще в ушах звучал голос Рифата.

«А еще в Каире живет его жена. Думаю, он пожелал ее увидеть».

Хотя какая мне разница – женат он или нет. Пусть у него будет хоть тысяча жен, мне то что с этого. Я все равно рабыня и забава для жестокого и бесчеловечного ублюдка, которому плевать на мои чувства и на мою боль. Он уже мне не раз это продемонстрировал.

Но внутри, в груди, все равно словно впились острые иголки жестокого разочарования. Вот и еще одна призрачная иллюзия растаяла, как льдинка на смертельном и адском солнце долины смерти.

Глава 5

Сутки назад...

Рифат смотрел, как Аднан перерезал горло одному из перекупщиков и пнул носком сапога безжизненное тело так, что оно подкатилось еще к нескольким трупам, распластавшимся на окровавленном песке. Давно предводитель так не зверствовал. Лишь однажды, когда люди Асада посмели отбить товар его отца и выкрасть прямо из-под носа, ибн Кадир превратился в жестокое кровожадное чудовище и напал на деревню, где они спрятали контейнеры с оружием, и кроме пепла ничего там не оставил. Сжег все дотла. Потом Кадиру пришлось покрывать проступки своего бастарда и подкупать нужных людей, чтоб из этого не раздули скандал, а списали на пожар. Десятки жизней. Вот какую цену заплатил Асад за то, что посмел обойти Аднана ибн Кадира. С тех пор обычная вражда превратилась в кровавую ненависть, в нескончаемую войну не на жизнь, а на смерть.

А сейчас снова безумный взгляд и трепещущие от запаха крови ноздри. Словно сам Сатана в него вселился. Перекупщики отказались платить дань и продать Кадиру скакуна по той цене, по которой они договаривались. Когда тела засыпали песком, Аднан поднял тяжелый взгляд на Рифата, пока тот лил воду из фляги, чтобы предводитель смыл с пальцев кровь.

– Могли продать, и я бы заплатил, а так заплатили они – своими жизнями, а я получил коня в подарок.

Усмехнулся, как оскалился, и Рифат невольно отпрянул назад. Сам не свой Аднан все эти дни. На себя мало похож. Как в зверя превратился.

Из-за девчонки. Русской молоденькой дурочки, которая появилась невесть откуда. Свалилась на их голову. Подарок. Чтоб ее. Рифат, едва увидел белобрысую и тот взгляд, который бросил на нее Аднан, сразу понял, что с этого момента у них у всех начались большие неприятности. Но не думал, что эти неприятности будут такого дикого масштаба. У ибн Кадира всегда было много женщин. Все они подолгу не задерживались ни в его жизни, ни в его постели.

Ненасытный, как животное, предводитель мог войти к своей жене и той же ночью взять с собой Рифата к самым лучшим шлюхам Каира и трахать до утра еще двоих. Темперамент, как у отца. Десятки любовниц не только в Каире, но и по всему миру. Бессчётное количество незаконных и непризнанных детей.

Рифат всегда с долей восхищения и, что уж там скрывать, мужской зависти смотрел, как они трепещут перед этим породистым жеребцом с редким цветом глаз и взглядом пресытившегося хищника. Черт их поймет, женщин этих. Он им нравился. Грубый, жестокий, циничный и красивый. Скорее всего, они чувствовали его мощь, его неоспоримую власть. Ее ощущали даже мужчины, окружавшие и подчинявшиеся ибн Кадиру.

Единственный раз, когда Рифат было уже решил, что Аднан остепенится – это некоторое время до свадьбы с Заремой. Поначалу казалось, что бастард Кадира увлекся своей невестой и сражен ее восточной красотой, но иллюзия длилась ровно до брачной ночи. Точнее, до ее самого начала. Выполнив свой долг, Аднан утащил друга на какую-то вечеринку в Каире и бросил невесту одну в покоях на окровавленных простынях, которые пришли лицезреть многочисленные тетки Кадира и бабки со стороны невесты.

Зарема даже виду не подала, что ее бросили. Она стойко выносила жестокий и непостоянный характер своего мужа. Она не собиралась уступать свой «трон» подле Аднана ни одной из его шармут и всегда была выше этого. За что Рифат уважал ее и даже в какой-то мере жалел. Все они ждали, что Зарема забеременеет и родит наследника Кадиру. Семью словно преследовал злой рок – ни у одного из сыновей еще не родились дети. У старшей невестки случилось три выкидыша. Вторая родила мертвого малыша, а третья так и не могла забеременеть. И дед переписал завещание. Первый ребенок унаследует все состояние, и не важно – у кого из них он родится. Теперь все сыновья усердно старались произвести на свет наследника. Все, кроме Аднана, который сказал, что ему плевать на деньги отца и приезжать в Каир он будет лишь тогда, когда сам этого захочет.

– Это твой шанс, Аднан. Твой шанс возвыситься до отца, переплюнуть своих братьев и утереть им нос.

– Что это за отцовская любовь, если ее надо заслужить. Разве детей не любят просто так, не за их достижения? Я не собираюсь покупать отцовское расположение. Если его нет, значит, так тому и быть.

– Но ты мог бы...

– Не мог бы. Не мог бы, потому что мне это не нужно. И хватит об этом.

- Навещал бы жену почаще. Всего-то.

- Ты о ком заботишься, м? Обо мне или выгоду какую-то ищешь? Богаче хочешь стать? Власти больше иметь? Смотри не разочаруй меня, Рифат.

Больше они не затрагивали эту тему. До тех пор, пока не появилась эта русская девчонка. Зарема должна была смириться с положением вещей, и она надеялась зачать в первые же месяцы, но Аднан не пробыл рядом с ней и недели.

Приезжал раз в месяц и снова уезжал.

Затем пошли сплетни о том, что и эта бесплодна. Что на роду этой семьи точно есть проклятие.

Зарема, одержимая желанием выносить и родить, чтобы укрепить свое положение, постоянно пыталась снять заклятие с помощью всяких гадалок и экстрасенсов, которые приезжали к ней из разных стран и были самыми настоящими шарлатанами. Аднан оплачивал ее дурачества и смеялся, когда она с ним связывалась и умоляла приехать, потому что именно сейчас самое лучшее время... Он не ехал. А иногда приезжал в Каир, но не к ней, а к одной из своих шлюшек. У него слабость была на славянок. Выбирал всегда только их, а Зарема изводила его звонками и сообщениями, читая которые, Аднан лишь смеялся, а иногда откровенно злился и запрещал ей себя тревожить.

- Мне б так жена звонила и писала, я был бы счастлив.

- Так женись? Или тебе мою Зарему подарить? А хочешь, я прикажу ей писать тебе вместо меня?

На полном серьезе, а потом расхохотался, а Рифат спросил друга.

- Что, даже ревности не проснулось бы?

- Не нужна она мне. Как предмет мебели дома сидит, потому что у всех так быть должно. Не люблю ее. Не лежит к ней душа. Не ревновал бы ее... Но моя она уже. Придется выполнять свой долг перед отцом. В который раз... ДОЛГ!

Изначально фиктивный брак, который мог принести лишь взаимовыгоду и устраивал обе стороны, омрачало только страстное желание Заремы безраздельно заполучить своего жестокого супруга и быть не просто ширмой для политической игры их отцов, а настоящей спутницей жизни. Она дико любила мужа. Это знали все. А Аднан ненавидел любое давление, он просто покрывал свою самку в назначенное время, чтобы зачать наследника, и даже это его не особо волновало.

Зарема хоть и пользовалась властью и всеми почестями единственной жены младшего сына Кадира, все равно оставалась просто девкой, притом не годной к оплодотворению, как и другие невестки. Рано или поздно Аднан мог жениться на другой и сослать свою жену в одну из деревень, в захолустье, подальше от людей, чтобы полностью предать забвению. Старший брат бастарда именно так и поступил, когда его жена родила ему двоих дочерей. Он надеялся, что с другой женой у него появится сын.

Участь совершенно бесплодной Заремы могла быть еще плачевней. Но она была весьма хитрой и очень умной. Она следила за тем, чтоб любовницы ее мужа не задерживались надолго и, если к одной из женщин он ездил больше чем два раза, она находила способы от нее избавиться. Например, подкупить, припугнуть, а иногда и изувечить особо несговорчивых.

Никто об этом не знал, кроме Рамиля. Родного брата Рифата. Он был начальником личной охраны жены Аднана ибн Кадира. Он исполнял все ее указания.

Только сейчас все могло измениться с появлением этой девушки с белыми волосами, из-за которой уже начался хаос. И Рифат даже не представлял, какой апокалипсис начнется, когда Альшиту привезут в Каир. Ей потребуется своя личная охрана двадцать четыре часа в сутки.

Он подолгу рассматривал ее первые дни, прикидывая – насколько она может быть опасной. Сверкающие волосы русской привлекали внимание каждой особи. Впервые рабыня, девка для развлечений, постоянно ехала в седле своего хозяина, а не где-то сзади с другими рабами, впервые ее не вышвырнули в первую же ночь и не передарили другим.

Рифат не сразу пришел к выводу, который сразил его наповал – Аднан ибн Кадир настолько увлечен своей игрушкой, что она стала для него намного большим, чем просто шлюшка на одну ночь. Потому что после того, как он ее взял... осатанел еще больше, словно разум из-за нее потерял.

Аднан, всегда равнодушный и безразличный ко всему происходящему, особенно к женщинам, которых воспринимал лишь, как способ удовлетворить естественные потребности, не сводил голодных глаз с этой пигалицы. Словно она притягивала его взгляд, как магнитом. Рифат предостаточно повидал за годы дружбы с ибн Кадиром, иногда и женщин делил с ним поровну, иногда утешал очередную брошенную красавицу.

Аднан повернут на своей новой игрушке, которую приволок невесть откуда и таскал за собой несколько недель по Долине смерти, бросался искать, зарезал эдак с десяток людей Асада, нарушил все собственные планы и в конце концов закрыл собой, когда ее попытались прирезать.

И после жутких обвинений русская до сих пор цела и невредима, а значит, представляет ценность для своего Хозяина, намного большую, чем все те, другие, кто побывал в его постели до нее.

Он назвал ее Альшита... совершенно приземленный и неспособный на поэзию бастард придумал невероятно подходящее имя для этой чужестранки с белоснежной кожей, фиолетовыми глазами и удивительно белыми волосами.

Поначалу Рифат все же надеялся, что это несерьезно. Сама девчонка смотрела на Аднана с нескрываемым страхом и презрением.

Красивая...

Он это сразу отметил. До безумия необычная для их дикого мира.

Он все заметил... ничто не укрылось от взгляда Рифата, привыкшего сканировать каждого, кто приближался к его другу, брату и Господину. Заметил очень нежную кожу и полную грудь, изгиб талии и бедер. Идеальна, хоть и мала ростом, хрупкая на вид.

Иногда Рифата она невероятно злила, и он хотел от нее избавиться. Он боялся и сам попасть под ее чары. И не понимал, какого черта девчонке удастся расположить и его к себе. Ведь дело не только в красоте. Он видел женщин намного красивее ее. Трахал женщин красивее. Как и его друг.

Но в этой... есть нечто, заставляющее смотреть снова и снова, и это не сверкающие волосы, не хрупкое нежное тело, а скорее, ее взгляд, выражение лица, взмах ресниц и поворот головы, ее голос и то, как она произносит слова.

В ней нет присущего другим женщинам развратного жеманства, кокетства. Она настоящая в каждой своей эмоции.

Сам Рифат почувствовал напряжение в паху, когда русская посмотрела на него темными глазами, как ночное небо без звезд, и слегка склонила голову набок.

Тогда-то он и напомнил Аднану о Зареме. Все еще надеясь, что удастся избавиться от Альшиты. Он даже обрадовался, когда ее отдали людям Асада, и не мог предположить, что Аднан лишь поигрался, что он бросится отнимать свою игрушку.

* * *

– Еще трое убитых.

– И что? Они сами виноваты. Надо было соблюдать условия сделки.

– Все ради того, чтобы подарить ей коня?

– Все ради справедливости, Рифат.

– Конечно, все ради справедливости, и избитые плетью НАШИ женщины, посмевающие тронуть твою... тоже ради справедливости.

– Мою кого?

– Твою кого, Аднан? Я не знаю, кто эта русская тебе. Она словно кол у тебя в груди.

А он вдруг повернулся и, нахмутив брови, очень серьезно сказал:

– Я сам не знаю. Но у меня вдали от нее дышать не получается... Понимаешь? Не выходит дышать. Вот тут, – ударил себя там, где сердце, – камень торчит. А она была бы счастлива, если бы я задохнулся. Мне убивать хочется, Рифат. Резать всех, кровь пускать, чтоб не думать о ней...

Глава 6

Я испытала самое настоящее облегчение, когда оказалась в его седле. Я бы не поверила самой себе, что смогу об этом думать именно так. Но даже сейчас мне казалось, что я падаю из седла, и я невольно прижималась к Аднану спиной. За какие-то пару часов я успела стереть ладони, и их жгло перед появлением волдырей. Во рту так пересохло, что я не могла сглотнуть слюну. Когда я в очередной раз пошатнулась, он стиснул меня сильно под ребрами и прижал к себе. Стало нечем дышать и страшно. Когда он проявлял внимание, я вся внутренне сжималась, и мне хотелось уменьшиться в размерах. Стать маленькой и исчезнуть из поля его зрения.

Аднан склонился ко мне, и сердце снова забилось быстрее. Уже привычная реакция на его близость. Как американские горки – то ужас, то какое-то щемящее волнение.

– Не понравился мой подарок, Альшита?

Отвечать не хотелось. Мне вообще не хотелось делать рядом с ним вид, что ничего не произошло, и он может болтать со мной вот так запросто о своих подарках.

– Я не умею ездить верхом и не могу оценить подарок, который мне в тягость и причиняет боль.

Рука, сжимающая мое тело, чуть дернулась.

– Ничего. Научись ценить именно практичные подарки. У меня кочевой образ жизни, а ты будешь всегда рядом со мной. В Каире ты не останешься. Поэтому начинай привыкать к моему образу жизни, иначе ты сломаешься и умрешь.

Сейчас я не знала, что лучше... несколько дней назад мне хотелось умереть, а сейчас... сейчас я надеялась, что рано или поздно мне удастся вырваться из его лап и сбежать. Повернул мое лицо к себе за скулы, и его зеленые глаза вспыхнули тем самым блеском, который раньше отзывался во мне томлением, а теперь пугал меня. Он убрал руку, и я выпрямилась, стараясь держаться изо всех сил и избегать того, чтобы прислоняться к нему.

А потом чуть не выскользнула из седла и схватилась руками за гриву его скакуна. От боли невольно застонала.

Аднан вдруг схватил меня за руку и разжал мои судорожно стиснутые пальцы. Несколько секунд смотрел на волдыри, потом приостановил коня, и я услышала треск материи и не успела опомниться, как он уже обматывал мои руки оторванной полоской ткани со своей джалабеи.

– Доедем до места назначения, Икрам смажет волдыри.

Ладони араба нежно погладили мои руки, поднимаясь вверх и сжимая мои плечи. Неожиданная ласка, от которой почему-то не захотелось сжаться в невидимую маленькую точку. С нами поравнялся Рифат, натягивая поводья и бросая взгляд на руки Аднана, поглаживающие мои запястья, и тут же поднял голову и посмотрел на своего предводителя.

– Нас нагоняет отряд Раиса. Вначале думали, что это лазутчики Асада... но нет – это твой средний брат.

– А он что здесь делает? Разве этот прохвост не в Каире?

– Возможно, выехал тебе навстречу.

– Вряд ли... скорее, ему что-то надо. Что-то в обход отца. Он бы сюда просто так не приехал, тем более у нас намечается семейный обед после моего возвращения. Прикажи остановить отряд. Подождем его здесь.

* * *

К нам приближалась кавалькада из нескольких всадников, чьи кони поднимали облака пыли, контрастируя черной одеждой с бледно-желтым песком. Он был везде разным, иногда смешивался слоями самых всевозможных оттенков – от оранжевого до светло-желтого. Брат Аднана ехал впереди, гордо выпрямившись в седле с каким-то высокомерием во всем своем облике. Он направил коня прямо к нам, и я тут же опустила глаза, едва увидела, как тот бросил на меня любопытный, горящий взгляд и нагло усмехнулся.

– Твои люди великолепно берут след, не хуже натасканных псов. Странный путь ты выбрал, брат. Есть дорога покороче. Я ждал тебя именно там.

– И я тебя приветствую, Раис. Мне была удобна именно эта дорога. А ты, я смотрю, так соскучился, что решил выехать мне навстречу?

Я словно физически ощутила между ними сильнейшую неприязнь и напряжение. Словно встретились не близкие родственники, а враги.

– Конечно, соскучился, брат. Мы тебя не видим по несколько месяцев. – он усмехнулся, и широкие усы изогнулись над тонкими губами. У него было кругловатое лицо и плотное телосложение, а улыбка и выражение глаз, скорее, отталкивали, хотя он и пытался изобразить искренность.

– Да ладно. Еще б столько же не видели. Давай без лишних церемоний и лести. Ближе к делу. Что тебе нужно, Раис?

Раис бросил на меня взгляд прищуренных глаз, и я невольно прижалась спиной к груди Аднана, потому что его взгляд мне не понравился.

– Как интересно... а ведь, и правда, завел себе новую игрушку. Мне говорили, что мой брат умыкнул Асадовскую шлюшку и оставил ее себе, а я не верил. Зачем Аднану нужны дешевенькие использованные шармутки? Оказывается, это

правда. Забавно. А она хорошенькая... могу понять. Еще не надоела?

Рука Аднана не просто сдавила меня, а с такой силой прижала к себе, что у меня захрустели кости.

– С каких пор тебя волнует, кого я трахаю, Раис? Кажется, до сегодняшнего дня это ни в коей мере никого не касалось, как и мне никогда не было интересно – где ты покупаешь себе совсем юных мальчиков и где их закапывают после твоих ночных развлечений? Кстати, отец знает о твоих развлечениях, или Назир все еще умудряется прикрывать твой зад и спасать твои яйца от праведного гнева нашего родителя?

Лицо Раиса вытянулось, и челюсти с хрустом стиснулись. Казалось, он проглотил только что камень.

– Это все грязные сплетни, а ты собираешь их даже в пустыне, как баба. Я здесь не за тем. Ты забрал девку Асада, а у нас с ним договор, что мы не трогаем его товар. Он пытается развязать войну и мешает нам с торговыми путями на севере. Ты всегда отличаешься от нас идиотскими выходками, на которые способен только ублюдок русской любовницы.

Аднан даже не пошевелился, а мне вдруг захотелось плюнуть в рожу этого придурка, который намеренно говорил всякие мерзкие гадости.

– Я мог бы высказаться нелестно о твоей матери и покрыть ее имя грязью, но в отличие от тебя, я не воюю с именем женщины на губах.

– Само благородство. Посмотрите на него. Думаешь, что когда-нибудь сможешь занять такое же положение при отце, как и мы? Законнорожденные сыновья? Нет. Ты, как был ничтожеством от русской, так и останешься им до конца дней твоих. Когда отца не станет, мы, может быть, позволим тебе прислуживать нам, а скорее всего, вышвырнем тебя из нашей семьи, как паршивую овцу.

Воздух вдруг начал нагреваться до состояния кипятка. Мне даже показалось, что он потрескивает. А еще мне вдруг захотелось выдернуть нож из-за пояса Аднана и вонзить в грудь этому ублюдку. Никогда не думала, что братья могут быть такими лютыми и непримиримыми врагами... я бы, наверное, так не смогла.

– Это все, за чем ты пришел сюда, Раис? Если да – то убирайся к дьяволу, иначе я заставлю тебя сожрать каждое сказанное слово вместе с твоими кишками.

– Асад требует вернуть ему его девку, в обмен на это готов открыть нам северную дорогу.

Я затаила дыхание. Мне снова стало страшно. До дрожи во всем теле. Вспомнила фото... с Аббасом и содрогнулась вся.

– Я не собираюсь отдавать то, что принадлежит мне. Пусть Асад ставит иные условия, и мы их рассмотрим. После того как я вернусь из Каира.

– То есть ты сейчас отказываешься от выгоднейшего предложения, потому что хочешь трахать ее сам? Ее дырка стоит дороже торгового пути, за который мы проливаем кровь вот уже несколько лет?

– Если ты сейчас не прикусишь свой язык, я его отрежу и затолкаю в твою проклятую гнилую глотку.

– Даже так? Готов воевать с братом, Аднан. Ничего себе, какая золотая дырочка у этой сучки, что ты готов рискнуть всем, даже расположением отца? Я бы с удовольствием сцепился с тобой и прирезал за то, что ты готов ради девки поступиться нашим благополучием.

– Я не собираюсь соглашаться на его условия. Завтра он захочет голову твою или отца. Мне вас тоже обменять на какие-либо блага для семьи и для народа? Я не собираюсь отдавать ему ни свою женщину, ничего из того, что принадлежит мне. Я отберу у него этот путь насильно, если отец даст мне людей, я просто уничтожу Асада.

Они оба молчали, и я слышала, как все еще потрескивают искры в воздухе. Мне вдруг стало страшно, что они сцепятся, что Аднан убьет своего родного брата из-за меня... внутри поднималась волна протеста. В эту секунду Раис вдруг подъехал еще ближе и неожиданно поднял мое лицо за подбородок, и сдернул куфию с моих волос. В то же мгновение Аднан отшвырнул его руку, но тот успел вцепиться в меня отвратительно-оценивающим взглядом.

– Не солгали... ее волосы, и правда, как снег в землях неверных. Неудивительно, что в тебе разыгралась та же грязная кровь, что и в ней течет. Все-таки, ты не чистокровен... ты помесь.

– Убирайся, или я тебя разрежу на куски и закопаю так, что никто не найдет.

– Не посмеешь! Если отец узнает – он порежет на куски и тебя, и твою сучку белобрысую.

– Проверим? Тебе уже будет все равно!

Я понимала, что эта жуткая стычка между братьями происходит из-за меня.

– Найдешь себе новую игрушку! Их куча, Аднан! Не дури! Неужели мы будем драться из-за этой...? Поедешь в Каир, тебя Зарема утешит.

Значит, вот как зовут его жену? Зарема... Красивое имя, и она, наверное, очень красивая. Но мне сейчас было страшно, что они могут действительно напасть друг на друга.

– А что если... что если сделать вид, что меня ему возвращают, и потом убить его?

Оба мужчины уставились на меня. Раис расхохотался, а Аднан чуть не сломал мне ребра.

– Твоя игрушка, оказывается, умеет разговаривать, умна и не воспитана. Еще не объездил ее как следует? Смеет открывать рот без твоего разрешения? Или именно это тебя и заводит?

Аднан со свистом выдохнул, и мне показалось, что я слышу, как он рычит, как внутри него нарастает рык.

– Убирайся. Я сам разберусь с Асадом. Твои предложения мне неинтересны. И скажи ублюдку, что, обращаясь через тебя, он ничего не добьется... и дело ведь не только в торговом пути. Он, видать, пообещал тебе партию свеженького мяска? Верно?

– Ты пожалеешь, что отказал мне, Аднан. Пожалеешь о каждом сказанном здесь слове и о клевете. Ты мне больше не брат!

– Я им и не был никогда.

Я смотрела вслед Раису и его людям... пока они быстро мчались в обратную сторону. И когда Аднан вдруг сдавил мне горло ладонью так, что я не смогла вздохнуть, от неожиданности вскрикнула.

– Как ты смела рот открыть, а? Кто давал тебе право болтать без моего разрешения?

Развернул мое лицо к себе и прорычал:

– Еще раз влезешь – высеку! Поняла? Или так к Асаду своему захотела? М? Может, все же водишь меня за нос?

Сдавил мои щеки и дернул еще ближе к себе.

– Узнаю, что солгала, узнаю хоть что-то о тебе и этом ублюдке – я тебе сердце вырежу. Поняла?

Кивнула и всхлипнула от боли, на глаза слезы навернулись. А он вдруг неожиданно рывком на грудь к себе привлек и голову мою силой в себя вжал.

– Моя ты. Плевал я на них на всех. Моя, и все.

И у меня вдруг сердце забилось с такой силой, что показалось, я задохнусь, а его сердце сильно и гулко билось мне в висок.

Его тело пахло дымом, терпким кофе и сладким кальяном. И я не могла даже представить, что этот запах все еще мне безумно нравится, и кожа у него горячая, как кипятик. Всего лишь несколько дней назад я млела и с ума сходила в его объятиях... а теперь боялась его рук как огня, потому что знала, какую боль они умеют причинять.

Но это был странный жест, повергший меня в ступор, как и слова его, сказанные срывающимся голосом, так не похожим на тот, которым он говорил со мной прежде. Не приказным, не властным, а каким-то отчаянным, с хрипотцой, словно он в этот момент потерял над собой контроль... но я все еще помнила, как этот же голос рычал у меня над ухом, пока он раздирал меня изнутри своей отвратительно жестокой похотью так, что потом несколько дней мое собственное тело напоминало мне сплошной синяк, а там кровило и пекло. От одной мысли, что он снова попытается в меня войти, все мышцы сводило судорогой.

И противоречием снова думать о том, что ибн Кадир не отдает меня Асаду, держит мертвой хваткой, и я пока не знаю, что это значит, но скорее всего, именно то, что и сказал его брат Раис – он не намерен расставаться со своей новой игрушкой, а я бы отдала все на свете, чтобы вернуться домой. Что угодно... я бы даже могла сбежать к Асаду или идти одна по пустыне, лишь бы ибн Кадир больше не насиловал мое тело. Он разворовал все мои представления о плотской любви, и теперь каждое его прикосновение ассоциировалось только с пыткой, только с болью.

Но вопреки всем этим мыслям я податливо прижалась к его груди, не в силах сопротивляться невероятно приятному ощущению защищенности в его руках. Защищенности от всех, кроме него самого. Я вдруг, с каким-то острым неверием в собственные догадки, подумала, что бедуин, и правда, равнодушен ко мне. И, наверное, это и есть мое проклятие, лучше бы ему было наплевать, лучше бы я ему не нравилась, и он не желал меня и не смотрел на меня с таким голодом, от которого кровь стыла в венах. Аднан ибн Кадир сходит по мне с ума. Неожиданно эти мысли вызвали ворох мурашек, побежавший по коже мелкой россыпью, и сердце опять забилось еще быстрее, когда его пальцы погрузились в мои волосы и с каким-то отчаянием зарылись в них, сильно ероша и перебирая их.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/soboleva_ul-yana/1000-ne-odna-bol

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)